

ХРОНИКА

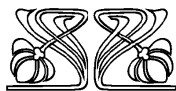
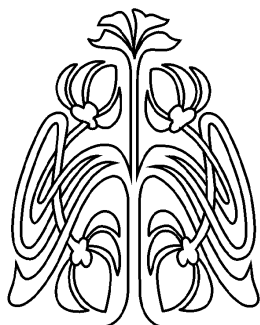
10 февраля 2012 г. на заседании Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки состоялось обсуждение доклада кандидата политических наук, доцента кафедры политических наук Саратовского государственного университета М. В. Данилова на тему «**Неполитическая детерминация избирательного процесса в России: корреляции социально-экономических показателей и уровня явки на выборах 1990–2011 годов**». (Текст доклада в виде статьи представлен в данном выпуске журнала)

На заседании присутствовали и выступали с сообщениями по докладу: доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук СГУ *А. А. Вилков*, доктор политических наук, профессор СГУ *Н. И. Шестов*, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ *И. И. Кузнецов*, доктор политических наук, профессор Московского государственного специализированного института искусств *О. Г. Овчарова*, кандидат политических наук, доцент Поволжского института имени П. А. Столыпина *С. Г. Сергеев*, кандидат политических наук, доцент СГУ *А. Ю. Цаплин*, кандидат политических наук, доцент СГУ *В. Г. Семенова*, кандидат политических наук, доцент СГУ *А. А. Казаков*, кандидат политических наук, доцент СГУ *Г. М. Барашков*, кандидат политических наук, доцент Поволжского института имени П. А. Столыпина *О. С. Скороходова*, аспиранты кафедры политических наук СГУ *А. Богданов*, *В. Бормотов*, *К. Базаев*, *С. Бигазилова*, студенты специальности «Политология» СГУ.

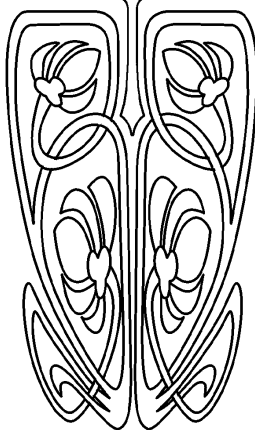
Вилков А. А.: Можно только приветствовать стремление молодых докторантов прибегать к использованию методов точных наук для анализа проблем «исследования технологий политизации современного общества». Инструментом анализа для М. В. Данилова выступает «парный корреляционный анализ статистических показателей социально-экономического развития субъектов РФ и уровень явки на парламентских выборах в соответствующий год». Однако возникает несколько вопросов по поводу эвристических возможностей представленного метода, по крайней мере в рамках заявленного автором ракурса исследования мотивации участия в выборах.

Из трех измерений политизации общественных отношений (увеличение значения и роли политической сферы в жизни общества, включение в политику неполитических явлений и формирование политической повестки дня из неполитических тем, вовлечение масс в политику и повышение их политической активности под влиянием неполитических факторов) М. В. Данилов выделяет третье. «Вовлечение масс в политику происходит по нескольким основным каналам: посредством действия партийных технологий политизации общества; использования гражданских форм интенсификации политического участия; а также через электоральные процедуры». Со всем этим нельзя не согласиться, но резонно возникает вопрос: насколько целесообразно выделение социально-экономического фактора мотивации политического участия как самостоятельного, без учета выделенных самим автором каналов целенаправленного воздействия?

В реальной политической жизни они неотделимы друг от друга и связаны в систему многоэлементной причинно-следственной зависимости. Деятельность властных структур и оппозиции, стратегии их информационного воздействия на население, конкретная агитационно-пропагандистская кампания различных партий и отдельных кандидатов на выборах разного уровня целиком и полностью завязаны

ПРИЛОЖЕНИЯ

на отражении эффективности или неэффективности социально-экономического развития региона.

Поэтому и восприятие населением своих собственных социально-экономических проблем формируется не в результате осознания «объективных» статистических показателей региона, а в результате совокупного воздействия самых разных факторов не только объективного, но и субъективного свойства, в том числе и целенаправленного многовекторного информационно-коммуникационного воздействия.

Абстрагирование данной многофакторности приводит к ограниченности эвристического потенциала тех предварительных выводов, к которым автор доклада приходит в результате анализа.

Например, второй вывод о стабильной связи уровня явки на парламентских выборах только с долей городского и сельского населения. Не нужно было проводить корреляционного анализа, чтобы подтвердить давно известную истину, что характер политической культуры городских и сельских жителей и, соответственно, стиль их политического участия заметно различается. И обусловлены они не только показателями социально-экономического развития, а особым образом жизни и традициями. И изучить специфику мотивации политического участия горожан и сельчан только с помощью корреляционного анализа невозможно.

Третий вывод о том, что «монетарные показатели (ВРП и среднедушевые доходы) утратили свое значение в 2000-е гг.», тоже ничем не подкреплен. О масштабах и значимости немонетарной мотивации к голосованию можно было бы судить по результатам социологических опросов, но это другие методы. Вывод об искажениях в официальной статистике и данных по участию в голосовании из материалов проведенного анализа тоже никак не вытекает и носит характер предположения.

Более того, четвертый вывод прямо противоречит фактическим материалам, которые получает большинство ведущих социологических центров.

М. В. Данилов констатирует, что в 2000-е гг. произошло кардинальное изменение направленности связи между явкой на выборы и долей пенсионеров в регионе по сравнению с 1990-ми гг. «В первое десятилетие XX в. большое количество пенсионеров негативно сказывалось на общей явке, что абсолютно не характерно для предшествующего периода и противоречит устоявшимся стереотипам о пенсионерах как о самой дисциплинированной когорте избирателей».

Во-первых, общая явка на выборы определяется не только количеством пенсионеров в регионе, но и степенью активности и дисциплинированности других социальных групп. Без конкретных социологических данных этот вывод бездоказателен и носит, как указывает сам автор, предположительный характер. Я, например, на основе данных доклада (точно так же бездо-

казательно) могу предположить, что снижение активности других социальных групп было более значительным, чем у пенсионеров.

Такой же предположительный характер носят и выводы М. В. Данилова о том, что «безработные заняли место пенсионеров как активный электорат». Большое количество безработных в регионе и высокая их явка на выборы корреляционным анализом, на мой взгляд, не выявляются. Тем более бездоказательным является вывод о том, что «на двух последних выборах безработные активно принимали участие в голосовании и активно отдавали свои голоса за правящую партию». Представленные материалы доклада оснований для такого вывода не дают. Может быть, М. В. Данилов исходил из каких-то материалов социологических опросов, не вошедших в доклад, но я о таких не знаю.

Кроме того, корреляционный анализ абсолютно не способен, например, объяснить, каким образом все пенсионеры и все безработные, так же как и все остальное население Чечни, проголосовали за «Единую Россию». Или почему пенсионеры и безработные Саратовского и Татищевского районов проголосовали совсем по-иному, чем в других районах области.

Некорректным представляется и интерпретация автором полученной им констатации общеизвестного факта, что «студенческая молодежь на протяжении исследуемого периода зарекомендовала себя как достаточно аполитичная часть общества».

Как с помощью корреляционного анализа М. В. Данилов пришел к выводу о том, что «полученные данные ставят под сомнение адекватность использовавшейся ранее методологии исследования политической активности молодого поколения и получаемых с ее помощью выводов о важном политическом значении молодежи в процессах политической модернизации» – одному автору известно. Большинство исследователей (например, Э. В. Чекмарев) делают акцент как раз на недостаточности вовлечения молодежи в политическую модернизацию, на опасности отстраненности молодежи от решения важнейших общественных проблем.

В заключение хочу сказать, что проблема, как представляется, заключена не в недостатках метода корреляционного анализа, а в необходимости обязательного дополнения его другими методами анализа, прежде всего социологическими и другими политологическими методами. В этом случае богатейший материал, полученный М. В. Даниловым с помощью корреляционного анализа, позволит прийти к интересным социально значимым и научно обоснованным выводам и оценкам.

Шестов Н. И.: Мне представляется, что докладчик копнул выходы на поверхность ряда «золотых жил», протяженности и направленности возможного использования которых в своем

диссертационном исследовании он еще до конца не представляет. А представить это необходимо, поскольку следует вывести разговор о технологиях политизации на какие-то фундаментальные обобщения и прогнозы. Попробую тезисно обозначить те перспективы, которые вырисовываются в этом отношении уже сейчас.

Начну с наиболее интересной, на мой взгляд, проблемы. Если у процесса политизации есть начало, отдельные контуры которого Михаил Викторович обрисовал в своем докладе, то должно быть и окончание. Без разговора о том, до каких пределов возможна политизация и чем может обернуться ее бесконтрольное развитие, невозможно представить политизацию как процесс, имеющий ключевое значение для прогресса современной цивилизации. Конечной фазой, в которой политизация достигает максимальной полноты, является политическая революция. Современная политическая жизнь дает богатый материал для того, чтобы в диссертации поразмышлять над этим сюжетом. С тем, что представляет собой такая революция в качестве вызова социально-политической системе извне, все более-менее понятно. А вот каким образом общество становится готовым откликнуться на это внешнее технологическое воздействие, откуда у него берется готовность пожертвовать своими жизненными устоями ради политики – вопросы более сложные. Общество само начинает в ответ на внешнее воздействие политизировать многие вещи из того ряда, который не был предусмотрен технологией раскрутки очередной «цветной революции», свои предельно разнообразные экономические интересы, например, почему и заканчиваются такие революции часто неожиданным для их организаторов результатом. Тут становится уместным тот самый корреляционный анализ экономических характеристик и политических предпочтений, который, конечно, лишь в первом, экспериментальном приближении представлен в обсуждаемом нами докладе. Корреляции разных показателей действительно могут дать более точное и достоверное знание о той точке соприкосновения экономических интересов и политических предпочтений, до прохождения которой общество исповедует одни политические идеи и ценности, а после прохождения ее лояльные граждане вдруг становятся агрессивными и невосприимчивыми к самым конструктивным идеям и реформам, инициированным собственным государством. Это знание, которое можно положить в основание политического прогноза.

Второе. Я бы более четко определился с понятиями «политическое» и «неполитическое» в приложении к характеристике гражданской позиции жителей российских регионов. Тут есть возможность порассуждать в теоретическом плане об особенностях российского политического процесса. Ведь в либеральной демократии, да и в политике вообще, все это тесно связано. Обычно

гражданский и лидерский статусы сопряжены с благосостоянием. Оптимальным считается состояние политической жизни, когда человек политически активен в меру своего достатка, когда бедняк не рвется в политические лидеры, а стремится быть «третьим сословием», а богатый человек не отказывает себе в занятии политикой. Благосостояние выступает важным критерием классовой (а значит, политической) принадлежности индивида или группы. Надо более развернуто аргументировать, в диссертации особенно, почему материальное благосостояние граждан России можно рассматривать как параметр, характеризующий состояние неполитической сферы.

Третье. В докладе сделано очень ценное наблюдение относительно активности молодежи. Исследователи часто пишут о том, что молодежь хочет и может участвовать в нынешней политической модернизации, движимая интересами образования, карьеры, устройства личной жизни. С другой стороны, отмечают, что у молодежи нет желания подобно старшим поколениям приносить себя в жертву модернизации, но есть желание активно пользоваться всеми возможностями, предоставляемыми политикой. Эти выводы основываются преимущественно на качественных оценках. Модернизационный потенциал молодежи выглядит очень неопределенно. Тут тоже есть над чем поразмышлять. В частности, над тем, насколько в реальности политично либо неполитично в поведении современной российской молодежи все то, что исследователи обычно считают характеристиками именно ее политического потенциала. Докладчик только приблизился к постановке этого вопроса, но в диссертации есть возможность посвятить ему раздел, в котором можно и дать критику сложившихся исследовательских подходов, и предложить свой альтернативный подход.

Овчарова О. Г.: Обсуждаемый сегодня доклад М. В. Данилова, безусловно, актуален и интересен. Эти характеристики его работы обусловлены тем обстоятельством, что избирательный цикл 2011–2012 гг. представляет собой очень серьезное испытание легитимности режима (а выборов такого формата страна практически уже не помнит). И это свидетельствует не только о кризисе политической системы, но и о серьезных проблемах в неполитических сферах – социальной, экономической и т. д. Что и демонстрирует в своей работе Михаил Викторович. Обращение к региональному уровню, который «зеркально» отражает ситуацию во всей стране в целом, и сравнительный анализ электорального поведения за все время становления российской демократии делают эту демонстрацию весьма яркой и отчетливой.

Поскольку выводы, предложенные в исследовании, основаны на официальных цифрах, пожалуй, с ними можно согласиться. Но их кон-

кретизация при дальнейшей разработке проблемы требует привлечения и других данных, так как, справедливо замечает автор, статистика и данные по участию в голосовании могут быть искажены. К примеру, следует более конкретно посмотреть, какова мотивация поддержки правящей партии безработными (обещание работы за голосование? или вознаграждение? почему люди, которых государство не обеспечивает работой, оказывают содействие его правящей верхушке, что выглядит противоречиво?). Или что лежит в основе разницы стилей политического участия городских и сельских жителей и почему последние более активны? Возможно, на селе, в отсутствие разнообразия форм проведения досуга, поход на выборы – это своего рода «выход в свет»? Или последствия административного контроля более ощутимы там, где и проверить явку на избирательный участок и осуществить наказание за неявку проще. И тогда это фактор политической детерминации избирательного процесса. Кроме того, было бы интересно в дальнейших исследованиях выделить группы среднего класса и высшего класса в регионах (тогда речь должна идти больше, наверное, о 2000-х гг.) и проанализировать более подробно их электоральные настроения. Как показывает федеральная практика, именно граждане с финансово стабильным положением становятся сейчас весьма политически активными. (см., например, данные ВЦИОМ о социальном составе участников протестных действий). В этом контексте вспоминается распространенная сейчас фраза о том, что группы политической поддержки в настоящий момент разделились на «тех, кто в ватниках и на тех, кто в норках». В настоящем докладе есть подтверждение этим словам.

Кстати, возвращаясь к разговору о цифрах, нельзя не отметить междисциплинарной эффективности выбранной Михаилом Викторовичем методологии исследования. Она не только позволяет проследить в динамике влияние неполитических факторов развития регионов России на уровень электоральной активности граждан, но и способствует получению выводов, которые лежат одновременно в двух научных плоскостях: политико-социологической и политико-психологической. С одной стороны, результат исследования дает возможность увидеть электоральное поведение в его социально-групповом и классовом измерениях, позволяет рассуждать о степени социального капитала россиян; с другой – узнать о политическом сознании современных россиян в целом или, по крайней мере, о его рациональной составляющей. Ведь представленные нам корреляции говорят о противоречивом и неустойчивом восприятии власти, обусловленном ее неспособностью стабилизировать сферу экономики. И здесь нельзя не согласиться с классиком, что «бытие определяет сознание», и политическое в том числе.

И последнее. Работа М. В. Данилова интересна не только своим эмпирическим содержанием,

но и теоретико-концептуальным. Она побуждает лишний раз задуматься о главном вопросе политической философии – о границе между политическим и неполитическим. Где она и есть ли, если неполитические факторы голосования определяют политику. И если частное мнение избирателя выступает как функция контроля над властью, то оно уже публичное? А публичная сфера, по Хабермасу, приобретает политическое измерение, когда интерес граждан направлен на деятельность государства... И как эти вопросы разрешаются в современных российских условиях? Таким образом, как и любая удачно прошедшая дискуссия, настоящая была хороша тем, что в ее ходе появились вопросы для последующих.

Цаплин А. Ю.: Исследование М. В. Данилова, посвященное выявлению неполитических детерминант избирательного процесса в России, вызывает интерес в силу апеллирования автора в своих научных изысканиях не к качественным, а к количественным методам политических исследований. Для анализа эмпирической информации им используется один из методов статистического анализа – парный корреляционный анализ. Такой подход к решению стоящей перед исследователем задачи импонирует своей ориентацией на получение строго научных, верифицируемых результатов, каузальных знаний, раскрывающих причинно-следственные связи между социально-экономическими показателями и явкой на выборах.

При использовании такой методологии исследователь неизбежно сталкивается с двумя проблемами. Первая – это возможность возникновения ситуации ложной корреляции и, соответственно, ее избежание. Один из показательных таких примеров – это вывод американских социологов о связи цвета кожи негров и уровня преступности среди представителей этой этнической группы. Вторая, не менее сложная проблема – это интерпретация полученных результатов.

М. В. Даниловым предпринята очень смелая, новаторская попытка выявить связь между социально-экономическими характеристиками региона и явкой на выборах. Однако сразу возникает вопрос, можно ли все выделяемые автором социально-экономические параметры рассматривать в качестве независимых переменных, не подверженных влиянию политики и других факторов. Так, ведь во многом уровень социально-экономического развития региона, выраженный автором в таких категориях, как валовый региональный продукт на душу населения, доля занятых в частном секторе экономики региона, среднедушевые денежные доходы населения региона, уровень безработицы в регионе, определяется политическими факторами, а именно параметрами регионального политического режима. В 1990-е гг. в Российской Федерации наблюдалось их большое разнообразие, которое затем, правда, сменилось

однообразием в 2000-е. Возможно, с этим и связано снижение корреляции между выделенными тремя параметрами (среднедушевым ВРП, долей занятых в частном секторе, среднедушевыми денежными доходами) и явкой на выборы практически до нулевой отметки в 2000-е гг.

Нельзя не отметить и того факта, что уровень социально-экономического развития региона во многом определяется его географическим положением – наличием транспортной инфраструктуры, природных ресурсов, близостью к рынкам сбыта, климатическими условиями и т. д.

Как представляется, для того чтобы подтвердить или опровергнуть установленные автором корреляции, нужно провести многомерный анализ (трех и более переменных). В простейшем случае речь может идти о том, чтобы провести анализ двух переменных с помощью контрольного фактора. В данном случае таким может стать региональный фактор, включающий конфигурацию обозначенных выше параметров, к которым прибавятся еще культурно-этнические характеристики. Ведь не секрет, и это проявляется уже регулярно, что явка на выборах в национальных республиках значительно превышает средний российский показатель. Особенно это касается республик Северного Кавказа. В качестве такого обобщенного регионального параметра можно выбрать, например, федеральный округ и провести анализ, используя структуру федеральных округов. Если характер полученных автором корреляций не будет меняться или будет меняться незначительно в зависимости от федерального округа, это позволит на твердой доказательной базе интерпретировать полученные результаты.

Казakov А. А.: Представленная на обсуждение статья, безусловно, затрагивает весьма актуальную на сегодняшний день проблему. С одной стороны, различные социально-экономические показатели оказывают самое непосредственное влияние на электоральные процессы в России. С другой стороны, масштабы и конкретные формы подобного влияния в настоящий момент, как нам представляется, изучены в науке недостаточно глубоко. В этой связи обращение М. В. Данилова к данной проблематике можно только приветствовать.

Знакомство с обсуждаемой статьей не оставляет сомнений в том, что сделанные ее автором выводы базируются на очень солидном эмпирическом материале: тщательному анализу подвергнутся семь социально-экономических

показателей в разрезе семи выборных кампаний. При этом в качестве основного аналитического инструмента выступает парный корреляционный анализ. Разумеется, данный исследовательский механизм не может в полной мере обнаружить и обосновать всех граней неполитической детерминации электоральных процессов. Однако выявить некоторые закономерности и обратить внимание ученого на отдельные заслуживающие особого внимания проблемы этот метод, без сомнения, способен. Подтверждение этому, собственно, и содержится в тех выводах, к которым приходит автор.

Стоит также отметить наглядность и оригинальность изложения материала: текст снабжен таблицами и графиками, сопровождающимися дискуссионными вопросами, ответы на которые содержатся в заключительной части статьи. Подобная «вопросно-ответная» схема оформления текста не только дополнительно структурирует материал, но и привносит в него элемент интерактивности.

При прочтении статьи у меня возникло несколько предложений к ее автору. Так, например, я думаю, что в дальнейшем можно было бы провести аналогичное исследование применительно и к президентским выборам. Сопоставление полученных результатов с уже имеющимися могло бы дать дополнительную пищу для размышлений и, возможно, натолкнуть на новые умозаключения. Точно так же рассматриваемый период существования в России партии власти (в аспекте электоральных предпочтений пенсионеров) вполне допустимо распространить и на более раннее время – благо, недостатка в проправительственных партийных организациях в нашей стране в последнее время не наблюдалось.

Для углубления уже выявленных корреляций можно было бы отдельно проанализировать влияние на уровень явки таких экономических показателей, как уровень годовой инфляции в конкретном регионе, а также то, является ли отдельный субъект Федерации дотационным или донором. Наконец, для облегчения восприятия эвристических возможностей корреляционного анализа в самом начале было бы нелишним в общих чертах объяснить, каким образом коэффициенты корреляции рассчитываются и как «читать» построенные на их основе графики.

В целом же в представленной статье подняты весьма злободневные для современной политической науки сюжеты, дальнейшая разработка которых способна открыть перед учеными очень перспективные исследовательские горизонты.